

Жена-упрямица (Опочинин)

Издание И. Кнебель,

Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, Москва, 1913 г.

Жили-были мужик с бабой. И была эта баба такая злая да сварливая, что муж просто не знал, как с ней справиться. Что он ни скажет, жена все ему назло сделает. Вот раз захотелось мужику над ней подшутить, он и говорит: «Знаешь что, жена! Ты не вздумай сегодня пирогов напечь». — «А вот же напеку!» — «А напечешь, так хоть мне в поле их не носи». — «Вот напеку же и принесу!» — «Ну, так когда понесешь, через мост не ходи». — «Вот увидишь, что пойду!» — «Пойдешь, так не вздумай камней за пазуху наложить». — «Вот нарочно наложу!» — «Так хоть уж в воду-то с моста не смей прыгать!» — «А вот прыгну же! назло тебе прыгну!» И вправду, пошла баба в поле и нарочно с моста в воду спрыгнула. Так и утонула бы, да муж вытащить успел.

Сидит раз баба в избе, в окно смотрит. Видит — идут гуси: «Полюбуйся-ка, — говорит, — муженек, на наших гусей: какие славные!» А у них и гусей-то не было. «Что ты, жена? — говорит мужик, — барских гусей нашими называешь!» — «Наши гуси!» — «Да что ты! Ведь барские!» — «Ан наши, наши! Ты мне всегда рад назло сделать! Не буду с тобой жить, сейчас умру!» Повалилась баба со злости на пол и кричит: «Умираю!» — «Да опомнись ты, перестань!» — «А чьи гуси?» — «Барские». — «А, барские! Когда так, умираю, совсем умираю! Умерла — клади меня на стол, готовь гроб!» Захотелось мужику посмотреть, до чего жена дойдет, послушался он, положил ее на стол, а сам сделал из досок ящик, принес его и говорит: «Ну, гроб готов!» — «А чьи гуси?» — «Известно, барские». — «Клади меня в гроб!» Положил мужик бабу в ящик и говорит: «Ну, жена, сейчас крышку наложу». — «А чьи гуси?» — «Да барские же». — «Заколачивай». Закрыв мужик ящик, вбил два гвоздика. «Теперь, — говорит, — хоронить надо». — «Чьи гуси?» — «Барские». — «Вези на кладбище». Повез мужик ящик к ямам, где глину копали. «Слушай, жена, сейчас в землю опущу». — «А чьи гуси?» — «Барские». — «Опускай!» Спустил мужик ящик, наклонился над ямой: «Прощай, жена, не поминай лихом! пора засыпать». А баба шепчет: «Чьи гуси?» — «Барские». — «Так засыпай!» Мужик понабросал глины и уехал. «Надо, — думает, — бабу проучить».

Наступила ночь, стал бабу холод пробирать. А тут еще в лесу волки завыли. Мерзнет баба, от страха дрожит, а все шепчет: «Не поддамся я тебе! Сказано:

мои гуси!» И совсем бы замерзла, да муж вернулся и ее из ямы вытащил. Вот до чего упряма была!

Раз шли они с мужем по лесу, и увидал мужик куст малины. «Моя, — говорит, — малина, я ее первый увидал!» — «Нет, моя!» Кинулась баба к малине — а за кустом-то была бездонная яма, где черти жили, — не разглядела, да и провалилась в преисподнюю.

Плохо пришлось мужику без бабы. Работы дома много, да и с детьми хлопочи — не может управиться. Задумал он как-нибудь свою бабу выручить. Набрал он разных обрывков, да веревок, связал канат длинный-предлинный, пошел с ним к яме, спустил туда конец и ждет. Глядь, веревка что-то потяжелела. Вытащил он ее и видит — прицепился к концу маленький чертенок. Как запищит тоненьким голоском: «Голубчик, дяденька, кидай поскорее веревку, там сам наш лысый дедушка ждет, не дождется. Беда нам совсем от твоей бабы: как ввалилась — всех избила да изругала, а дедушке чуть бороду не выдергала!» — «Как же! — говорит мужик, — стану я вашего старого выручать! Так вам и надо, окаянным!» Бросился чертенок мужику в ноги, молит лысого дедушку выручить: «без него, — говорит, — и мы все сгинем».

Мужик подумал-подумал: «Ладно, — говорит, — это дело можно справиться». Спустил он опять веревку в яму и кричит: «Эй, жена!» — «Тебе что?» — «Я в яму веревку спустил, так к ней подойти не вздумай». — «Вот подойду же!» — «А подойдешь, смотри, за конец не хватайся!» — «А ухвачусь». — «Ну, коли ухватишься, так хоть лысого дедушку за бороду не бери и с собой наверх не тащи!» — «А вот ухвачу, ухвачу и вытащу!» Потянул мужик веревку — тяжело; чертенок помогать стал, вытащили наверх, видят: баба за конец уцепилась и дедушку лысого за бороду держит.

А мужик себе на уме и говорит жене: «Пусти ты лысого дедушку». — «Не пущу!» — «Так хоть по лысине-то его не бей». — «Вот нарочно бить буду!» И начала бедного черта по лысине хлопать, да за бороду таскать, только голова мотается. Кричит лысый дедушка благим матом, а вырваться не может. «Ну, — говорит мужик, — довольно с тебя, будешь помнить». Да как закричит: «Вот славно, жена! Бей его, жалеть нечего! Бей, не останавливайся!» — «А не стану бить!» — «Так хоть бороду-то не выпускай, да смотри, домой не уходи». Сразу бросила баба лысого дедушку, повернулась и домой пошла.

— Что, лысый? — говорит мужик. — Выручил я тебя? Неужто ты это без награды оставишь?

— Нет, — отвечает лысый дедушка, — вот какая тебе награда будет. Стану я с этим малышом, с Анчуткой Безпятим, забираться в дома к богатым и шум

поднимать. Не будет хозяевам покою. Вот ты и объяви себя чертогоном, обещаешься за хорошую плату в этой беде помочь, а как придешь в дом, сейчас крикни: «Шилды, будылды, начеки, чекалды! Брысь!» — мы и убежим. Только вот тебе уговор: из первого дома выгонишь, из второго выгонишь, а к третьему не суйся, не то тебе самому плохо будет.

Пришел мужик домой, живут себе они с бабой по-прежнему. Только скоро начали кругом поговаривать, будто у богатого подрядчика в новом доме нечисть завелась. Шум, крик по всему дому несется, в трубах вой слышится, с полок, со столов все на пол летит, из печей кирпичи прыгают. Не знает хозяин, что делать. Услышал об этом мужик и пошел к подрядчику. «Что, — спрашивает, — ваше степенство, дорого ли вам этот дом обошелся?» — «Да что и говорить! пятьдесят тысяч, а теперь хоть не живи». — «Ну, — говорит мужик, — я тебе его за тысячу очищу». Уговорился с хозяином. Вошел в главную горницу, да как крикнет: «Шилды, будылды, начеки, чекалды! Брысь!» В ту же минуту все затихло, больше туда черти и не подступались. А мужик получил тысячу рублей и зажил в довольстве.

Немного времени прошло, опять слышно: у богатого барина в новых хоромах черти проказить начали. Тут уж три тысячи мужик взял и опять прогнал дедушку лысого с его Анчуткой. Пошло мужику не житье, а масленица: ходит в новой поддевке, в сапогах со сборами, бабе шелковое платье сшил, каждый день чай в накладку пьют, а на дворе батраки с батрачками суется.

Живет себе мужик, радуется, как вдруг пришла на него беда. Присылают за ним от князя, велят торопиться, из княжих палат чертей гнать. Такое безобразие они там подняли, что на улице слышно, ни минутки покоя не дают.

Помнит мужик зарок лысого дедушки: не соглашается к князю ехать. «Это, — говорит, — все напраслина, будто я чертогон. Все знают, что чертей гонять — бабье дело». А княжеский посланный ничего не слушает, схватил его за ворот, бросил в повозку и привез. Велел князь мужику, как хочет, его хоромы очистить. «Освободишь, — говорит, — от нечисти — десять тысяч дам; не освободишь, туда упеку, куда Макар телят не гонял». Видит мужик: делать нечего. Попросил дозволения подумать: «тут, — говорит, — страшное дело, зарок есть».

Думал он, думал всю ночь, а наутро разорвал себе платье, лицо все расцарапал, волосы и бороду всклокочил — и побежал к княжескому дворцу. А там черти такой шум, такое безобразие подняли, что и описать нельзя. Вбежал мужик во дворец и кричит благим матом: «Батюшки, беда! Бегите,

родимые, злая баба пришла!» Сейчас все стихло, только пыль по дороге от чертей поднялась, как побежали.

Получил мужик от князя десять тысяч и пошел по лучшим лавкам. Оделся во все барское платье, бороду сбрил, купил рысака да дрожки и поехал домой.

Едет он барином, глядь — через мост ему навстречу жена идет. «Здравствуй, — кричит, — жена! Полюбуйся-ка на меня! Хорошо борода-то обрита?» — «Где ж обрита! и всего острижена». — «Да что ты, ведь совсем обрил!» — «Ан обстриг!» — «Ну, посмотри сама, брито!» — «Нет, стрижено!» — «Да вот попробуй, брито ведь». — «Стрижено, стрижено! Хочу, чтоб было стрижено! Нет, так сейчас с моста в воду брошусь!» — «Опомнись, Бог с тобой, видишь ведь, брито!» Как прыгнет баба в воду. Сама тонет, а руку из воды высунула и двумя пальцами показывает: стрижено.

Ахнул мужик, соскочил с дрожек и побежал опрометью вверх по реке. Люди по дороге спрашивают: «Куда ты, земляк, этак бежишь?» — «Ах, голубчики, беда-то какая! Жена с моста в реку упала!» — «Так куда ж ты? Ведь ее водой вниз понесло.» — «Нет, — говорит мужик, — там ее не найти: моя баба всему наперекор шла, так уж верней ее против воды искать».

Только, как ни старались, как ни искали бабу, и против воды и по воде, — не нашли. Так и утонула упрямая баба.